

ВОССТАНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ: ЗАМЕТКИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ПОСТ-МОДЕРНА

Профанизация Модерна

Проблемная ситуация, из которой автор исходит в данной статье, заключается в том, что политическая система западной цивилизации – «золотого миллиарда», «первого мира», «глобального центра» – сегодня полностью реализовала ценностно-институциональный проект Просвещения и Модерна с его институтами свободы, прогресса, частной собственности, прав человека, гражданского общества, представительной демократии, прав меньшинств и т.п. Но реализация является одновременно исчерпанием проекта, утратившего «утопический жест», укоренившегося в политической действительности настоящего как «естественное состояние вещей». Кризис ценностей и институтов Модерна, на который указывает политическое состояние и ситуация пост-Модерна, проявляется в настоящее время именно в процессах деуниверсализации и симуляции ценностей и институтов Модерна. Воспроизводство вновь и вновь в качестве утопических ориентиров давно реализованных, «овеществленных» ценностей обнаруживает фундаментальный кризис классической политической эпистемы Запада, строившейся на основании таких дихотомий, как субъект-объект, цивилизованность-варварство, сознание-бессознательное, разум-безумие, рациональность-чувственность и т.д.

Фактически все эти дихотомии сводятся к одной: норма/не-норма, где норма выступает как самоотжественное, тавтологическое, самоочевидное, универсальное знание, связанное с привилегией владения субъектом всеобщими и конечными политическими истинами. Соответственно не-норма проявляется в данном дискурсе как «проклятая сторона вещей» (термин, использованный Ж. Бодрийяром)¹, «объект умолчания», проблема другого («своего иного»), как патологическое, ложное, латентное, подавляемое со-

* *Мартьянов Виктор Сергеевич* – ученый секретарь ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

¹ *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

держание, за счет которого, тем не менее, и оформляется привилегия истины нормы. Проблема состоит в том, что нормативные ценности Модерна, будучи полностью воплощенными, «овеществились», т.е. превратились из трансцендентных утопических целей в характеристику нынешней имманентной политической реальности «здесь и сейчас». Эта реальность является «тиранией настоящего времени» (термин П. Вирильо), где то, что «есть», определяет то, что «было», и то, что «будет», путем «поглощения» настоящим прошлого и будущего. Эта «тирания настоящего» не может нести в себе заряд взрывающей настоящее утопии, будучи «тотальной идеологической реальностью». Тотально идеологическое мышление оперирует не просто субъективными политическими теориями, оно претендует на объективное отражение самой «социальной реальности», на присвоение «социального факта» в данных исторических условиях. Его соответственно «как бы» и не имеет смысла постигать, поскольку он и так дан «естественным образом», на уровне самоочевидного «здорового смысла», не требуя для своего постижения какой-либо «дополнительной рефлексии».

Политический дискурс нормы всегда принадлежит правящей элите – это властный дискурс, задачи которого связаны не только с онтологическим оправданием и легитимацией действующей власти, но и с «профилактикой» утопических вызовов, грозящих взорвать сложившееся политическое статус-кво. Однако постмодернистская политика, все более выходя за пределы нормы Модерна, все с большим трудом легитимируется «вчерашними», «нормальными» идеологиями и утопиями. Поэтому, вытесняя из политики не-норму, классифицируемую с моральной точки зрения как зло, привычные для Модерна политические субъекты (государство-нация, классы, партии) сталкиваются лишь с тем, что зло не исчезает, а наоборот, прорастает в политической системе, беря реванш в качестве «проклятой стороны вещей». И не видеть очевидности этого реванша в условиях делегитимации «модернистских норм» становится все труднее.

Титанические усилия, направляемые сегодня в поддержку проекта Просвещения и классических «великих идеологий», лежащих в его основании, свидетельствуют об исчерпанности идеологических дискурсов Модерна, которые, обнаружив свою историческую и культурную граничность в складывающемся на наших гла-

зах «пост-индустриальном», «информационном» обществе, оказались практически не способными эффективно объяснить и легитимировать реальность пост-Модерна.

Политические ценности и нормы Модерна утратили свою запредельность, свой привилегированный статус, с помощью которого они легитимировали политическую практику. Равенство сакральных модернистских ценностей профанному миру, т.е. ситуацию их реализации (овеществления), как раз и выражает ситуация пост-Модерна, где норма = не-норме, а сущее практически отождествилось с должным. Но как только возникает такое равенство, в лишившейся «нормативных ценностей» политической системе сразу же начинает зреть ценностная альтернатива воплощенной в социальной реальности и политических институтах норме, взрывающая «естественный» политический порядок вещей рождением новых утопических ценностей и идеалов. Черпаются новые ценности и идеалы главным образом в «проклятой стороне вещей», т.е. во всем, что исторически подавлялось и вытеснялось привычной рацио-антропо-лого-центричной нормой Просвещения. И здесь «проклятая сторона вещей» вдруг становится «утопической стороной вещей», открывая в них подавляемое и вытесняемое ранее содержание. «Исключаемые» ранее ценности и смыслы вдруг приобретают характер «исключительных». Они берут реванш, разрушая и делегитимируя нормативно-универсальное пространство «великих идеологий», то самое «естественное» политическое пространство представления, заданное когда-то ценностными нормами Просвещения и Модерна.

В историческом срезе проблема выглядит следующим образом. Наука сформировалась путем раскола мифологического слитного мира на ряды бинарных кодов: знание/вера, внешнее/внутреннее, история/миф, рации/бессознательное. Теоретический субъект, таким образом, чтобы достичь научной истины как тождества, вынужден избавляться от противоречий, т.е. выбирать один из членов оппозиции в качестве привилегированного, а другой вытеснять. Эта неполнота, «половинчатость», неспособность к синтезу, создает пространство разрыва и «проклятую сторону вещей», где формируется параллельный мир подавления, принимающий форму «политического другого», различного рода аномалий. Наука, находясь в «нормальной половине» этого расколотого мира, транслиру-

ет с целью воссоздания исходной целостности законы внешнего мира вовнутрь человека, т.е. метафоризирует внутренний опыт, психику через внешний мир, природу. Наука «натурализирует человека», психология, наоборот, осуществляет обратный перенос, «психологизируя мир».

В политике целостность проекта Модерна была достигнута за счет всего, что не могло быть в него вписано. Позже оказалось, что политическое знание тождественно политическому бытию лишь в довольно узком срезе социально ангажированной рациональности, на определенном историческом отрезке времени и в сознании конкретного политического субъекта. С одной стороны, разум как критерий истины, сводимый к рациональности, вдруг оказался избыточен в отношении объективной реальности, включая в себя и воображение, и убеждения, и аффекты, и интуицию и т.д. С другой стороны, всеобщий политический разум постепенно стал лишь одной из моделей социально-политической рациональности, принадлежащей главным образом буржуазии и комплексу либеральных идей, лежащих в основе проекта Просвещения. Но как только целостность модернистского проекта стала ослабевать, вытесненные из проекта содержания стали брать верх над нормативными тождествами, персонализируясь в «тотальном Другом» Модерна.

Единая объективная картина мира на Западе, которую обеспечивал в идейном пространстве институт католической церкви, распалась с возникновением протестантизма и ростом утопического сознания восходящей буржуазии. В секулярном политическом обществе функцию гаранта объективности и декартовской самоочевидности взяло на себя сформировавшееся к тому времени национальное государство, заменившее объективную реальность Бога объективной реальностью Разума. Прежнее единство, скрепленное общим наследием (Античность), языком (латынь) и местом их постижения и производства (монастырь, университет, скрипторий) преобразовалось в множественность национальных, языковых, культурных миров в форме наций-государств.

Однако и государство со временем потеряло функцию институционального гаранта универсального миропорядка. Этот процесс был связан как с дискредитацией возможности получения объективного знания об обществе ценой отказа от социально-политической рефлексии ученого над ним, так и с формированием пуб-

лично-гражданской политики, ее выходом из-за «дворцовых кулис». У Гегеля государство еще выступало как одна из высших стадий развертывания абсолютного духа, реализация сверхчувственного порядка, довлеющая над гражданским обществом из сферы универсального закона истории. Но уже государство Маркса, понимаемое как вполне постороннее и земное образование, теряет свою трансцендентность, отражая динамическое соотношение интересов социальных групп с лежащими в их основании производственными отношениями. Распавшееся единство слов и вещей универсального объективного языка о политике, скрепляемое ранее церковью, посредством монополии на всеобщую мораль и этику, а затем государством с его монополией на язык естественного права, открывает модернистское пространство идеологических языков политики, в котором ведется постоянная политическая борьба власти/оппозиции за нормативность собственной ценностной модели языка в политическом дискурсе.

Трансгрессия «великих идеологий»: виртуальный популизм

Именно в момент разотождествления государства и общества, когда первое из явления метафизического порядка становится инструментом, а второе получает через всеобщность избирательного права гражданское качество, становится возможной современная (модернистская) политическая наука в форме производства и борьбы «больших идеологий», связанных с рефлексией социально-политической действительности в форме идеологий, разбивкой общества на партии и классы. Единый объективный язык в сфере политики становится невозможным по причине отсутствия незыблемого универсального объекта и самоочевидности «социального факта». В условиях распада объективной картины мира любое политическое суждение может опираться только на реальность субъекта. Эти коллективные субъективные реальности, естественно, не совпадают. Все размышления о политике стали возможны только в форме политической теории, опирающейся на ту или иную идеологию. Причем в данном случае степень осознания субъектом своей идеологии, т.е. историко-политической обусловленности, существенной роли не играет.

Политическая теория трансформируется в набор систем ценностей, отражающих групповые интересы. Каждая из этих систем претендует на утраченную универсальность, сознавая при этом свою обусловленность определенной позицией внутри социума. При этом связь идеологий с конкретными группами общества позволяет им это общество интерпретировать, но не позволяет встать над ним. Именно эта грань отделяет частичную идеологию от тотальной, а политику от политической науки, которая предстает как «объективное пространство субъективных точек зрения». В условиях кризиса Модерна можно наблюдать методологический переход от описания «самоочевидных социальных фактов» к их интерпретации, от объекта к субъекту, от позитивизма к герменевтике – акцент на самих средствах описания, выраженный в лингвистическом повороте гуманитарного знания в целом. Состояние упадка «великих идеологий» и «лингвистический поворот» политических наук к языку, который до некоторых пор не был ни объектом, ни проблемой в политике, указывает на появление новой «дисциплинарной матрицы» мышления.

Особенность ее в том, что идеология окончательно «открепляется» от порядка универсального, не стремясь более к построению объективной картины политики и следующей из нее монополии на истину. Это дает основание утверждать наступление конца политики в традиционной для Модерна форме борьбы идеологий. Признание неуниверсальности и неэффективности классических идеологий в условиях пост-Модерна повлекло ряд следствий. Первое из них – деконструкция идеологий, упразднение их нормобразующей роли в политической практике. Маркузе¹ хорошо показал, как идеологии (в трактовке К. Манхейма) трансформируются сегодня в политические технологии, когда заложенные в них ценности и цели уже реализованы, либо более не актуальны, но еще возможно их использование, основанное на эффекте последствия или, если угодно, симуляции. Последний прием подтверждается успехом технологий политического популизма, эффективно соединяющего в пост-идеологическом коктейле элементы ценностно конфликтовавших ранее течений. Идеологическая верность и неиз-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 115.

менность убеждений все более воспринимается как архаизм «неизменной религиозной картины мира», причем как политиками, так и избирателями.

Статистически кризис представительной демократии выглядит следующим образом: «Число «жестких» сторонников политических партий в США и Великобритании по сравнению с 1960-ми гг. сократилось с 40% и 44%, соответственно, до 30% и 16%. Членство в политических партиях также сокращается. Например, в Великобритании с середины 1970-х гг. до начала 1990-х гг. доля избирателей – членов партий уменьшилась с 5% до менее, чем 2,5%, в Германии – с 4% до 3%. Динамика численности профсоюзов тоже красноречива: если принять 1985 г. за 100%, то в США она упала к 1997 г. до 80,5 %, в Великобритании до 75,8%, в ФРГ до 66%¹». В России ситуация выглядит аналогичным образом: 75% россиян считают демократические процедуры и выборы формальностью, 66% убеждены, что от простых граждан ничего во власти и сама власть не зависят. Только 3% респондентов считают, что демократия подразумевает подчинение меньшинства решениям большинства, и только 6,2% готовность к участию в общественных делах². Современные партии вне-идеологичны. Если эффективность вступает в противоречие с программными установками, лидеры партий выберут эффективность и результат, а не верность ценностям и программам. Идеологии отражают социально-политическую реальность Модерна, общество стратифицированное на реальные классы. Сегодня же происходит в терминологии Баумана «индивидуализация общества». В потребительском обществе нет социальных групп, поэтому нет субъектности. Идеологии и социальные группы фрагментируются. Соответственно растет количество эффективных технологий дефрагментации в силу плавающего характера социальных связей. Но эти дефрагментированные образования являются неустойчивыми соединениями, легко подверженными распаду. Поэтому действительно можно говорить о конце идеологий и утопий, язык которых во времена Великой французской ре-

¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 76.

² Петухов В.А. Демократия в восприятии российского общества. М., 2001. С. 2-10.

волюции сменил язык религиозно-политического сознания, превратив его в идеолого-утопическое.

Партии сегодня – это электоральные машины, общность ценностная, а не социальная. Дело в том, что партии не опираются на реальные социальные группы. Присоединение, захват осуществляется символически. Партии не выражают социальных интересов, а символически присоединяют их к своим программам. Они не реализуют идеологии и программные установки, а схватывают и реализуют идеи, которые актуальны в повестке дня. Появляются новые неологизмы, например «блэризм», призванный отразить сочетание правой экономической политики лейбористского премьер-министра А. Блэра в духе М. Тетчер с левой политической риторикой. Сочетание немыслимое для Модерна и борьбы «чистых идеологий». В политической практике одновременно можно наблюдать двойной процесс деградации концепта представительности: глобализацию партий, обращающихся ко *всему* обществу, и *локализацию* политических идей – поиск опоры у различного рода меньшинств, зачастую реально противостоящих друг другу. Программные партии проиграли борьбу в информационном пространстве. Чистых идеологий уже не существует, так же, как и соответствующих им партий. Интерпретация политики средствами идеологий является попыткой применить устаревшие средства к новой реальности.

Дискурс виртуального популизма смешивает антагонистические аксиомы классических идеологий. Это было бы невозможно, если бы данные идеологии были значимы, т.е. связаны с реальными группами. Идеологии превратились в материал для пост-идеологических конструктов. Однако популистское, некритическое слияние антагонистических фрагментов традиционных идеологических парадигм перерастает в синтез только в одном случае: если будет найдено новое основание политической парадигмы, позволяющее переформулировать старые конфликты. Подобным паллиативом сегодня пытаются стать концепт общества потребления, имплицитно завязанный на философии прагматизма. При этом акцент в политической деятельности смещается от выходящих за пределы настоящего целей к макияжу Современности: от всеобщего блага к эффективности управления, от объекта к субъекту, от изменения реальности к борьбе за ее интерпретацию, от построения общества «нового типа» к ремонту «гражданского общества».

Иными словами, человек уже не субъект перед картиной мира, он превращается в элемент картины, в актера, который должен сыграть уже написанную роль в «обществе спектакля». Власть лишь находит болевые точки, через которые можно осуществить эффективное политическое воздействие. Комплексное манипулирование «человеческим, слишком человеческим», через язык, чувства, инстинкты, потребности, эффекты восприятия вытесняет просвещенческое рациональное обращение к разуму человека с помощью идей. Просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения (умножения) и внушения. Власть вновь приобретает религиозные функции, так как ее легитимация производится не убеждением, предполагающим сомнение, но оформлением самого здравого смысла, самоочевидного «естественного» порядка вещей, которое снимает сам рациональный дискурс сомнения в пользу манипулятивного дискурса «доверия» и «пред-рассудка».

Власть здесь не нуждается в опоре на сущность человека, власть сама эту опору симулирует в пространстве политического представления вместе с субъектностью «человека политического», через концепты выборов, «гражданского общества», представительности, «диалогичных» средств массовой коммуникации и обратной связи (опросы, референдумы и т.п.). Технология власти, таким образом, переключается с идеологического обоснования политических целей и ценностей, через сущностные модели человека на манипулирование этой сущностью. Манипулирование же строится на отказе человеку в каких-либо трансцендентных сущностях, сверх-природных качествах. Самосознание человека как объекта, подопытного политического животного, исключается из политического анализа вместе с любыми «не-естественными» языками самоописания (религиозными, моральными, философскими). Целью власти является вписание объекта в некий уже существующий властный порядок, в социально-политическую среду.

Становление великих идеологий происходило в их непримиримой борьбе друг с другом и церковью, «отсрочивающей эту борьбу к вечности» (Ж. Бодрийяр). Постепенно, с утверждением универсального экономического строя капитализма и пространства светских либеральных ценностей, в котором идеологии начали до-

минировать, они стали склоняться к консенсусным механизмам и процедурам, связанным с представительной демократией в современном ее понимании. Иными словами, «современная политика» является формой политического сосуществования утвердившихся идеологий, которые изменяют в свою пользу внутренний порядок политических ценностей, но вовсе не стремятся выйти за его пределы, т.е. взорвать существующий порядок в обществе. Но в силу стабильности и общей однозначности означаемого, начинают стираться принципиальные различия между альтернативными означающими, т.е. системами культурных знаков, призванных бороться за свой образ мира.

Возрастающее сходство систем ценностей, отсутствие их принципиальной разницы в силу аморфизации прежде ригидных социальных групп и классов влечет такое положение дел, когда уровень жизни большинства населения, и в первую очередь развитых стран «золотого миллиарда», таков, что пресловутое «демократическое большинство» готово поступиться скорее политическими свободами, чем достигнутым уровнем комфорта и обеспеченности. И здесь парадоксальным образом внутри демократии тлеет возможность ее собственного конца. Демократичность все сильнее мешает эффективности власти, превращаясь в традицию, формальный перечень процедур. Демократические процедуры выборов, превратились из завоеванных прав восходящих к власти слоев и групп в бессмысленные обязанности гражданина (о субъективной бессмысленности говорит нарастающий процент неявки избирателей на выборы). Как это ни парадоксально, но советские «безальтернативные» выборы, не обладая многими формальными признаками демократичности, тем не менее были субъективно важны и значимы как для избирателей, так и для самой власти, о чем красноречиво свидетельствуют проценты явки, превышавшие 99%. Особенно разителен этот контраст в сравнении с современным российским кризисом представительной демократии, когда при соблюдении всех должных процедур выборы проваливаются именно по причине неявки избирателей, иными словами, из-за потери своей субъективной ценности в их глазах, не искупаемой и не исчерпываемой соблюдением неких «правильных» процедур.

Транс-идеологическая власть функционально эффективней идеологической, поскольку готова использовать все пространство

политического представления для своей легитимации, не будучи стесненной опорой на структурную идеологию, связанную с интересами определенной общественной группы. Соответственно, неэффективной стала и сама идеологическая критика власти, развенчание ее «политического бессознательного». Такие понятия, как класс, семья, общество, государство, постепенно перестают быть точками опоры при создании новых ценностей. Теперь понятия, став функциональными, оказались легко встраиваемыми в любой содержательный контекст.

Дело в том, что с идеологиями исчезли и конечные политические цели. Связь идеологий с теми референтами, которые они когда-то выражали, становится призрачной. Идеологии превратились в символические маркеры, оформляющие структуру артефактного политического пространства представления, все более автономизирующиеся от структуры и соотношения политических референтов. Исчезают парадигмальные ценностные полюсы, а вместе с ними и противоречия на уровне парадигм. Исчезновение для политической системы внеположных ей самой целей приводит к необходимости трансцендировать самое себя. Если цель ничто, или же предполагается в общем и целом достигнутой, что по сути одно и то же, то внимание обращается на само движение, развитие, изменение, на трансценденцию именно этой функции. Таким образом трансцендируются, например, сами технологические процедуры демократии (выборы, теория представительности, принцип большинства, состязательность, конкуренция кандидатов), формализованные и абсолютизированные в отрыве от своего реального содержания в политической практике. Вихревая циркуляция потоков денег, информации, решений, превращает в цель само ускорение всех этих процессов: экономического роста, роста продолжительности жизни, роста доходов, потребления и т.д. Интенсивность процессов в системе заменила их цели.

Постмодернизм как «состояние и ситуация» мышления

Актуальный постмодернизм как «состояние» политического знания и «ситуация» политического мышления связан с осмыслением и продуцированием политического поля как трансидеологического, т.е. вышедшего за пределы идеологий, когда в отсутствие

универсальных нормативных критериев истины в картине мира находится место любому дискурсу. Постмодернизм обеспечивает избыток означающих, т.е. возможность любой интерпретации любых концептов. Постмодернизм – это состояние внезапной отмены правил политической игры, отсутствие соревновательности, где каждый приобретает право на свою политическую истину, но никто уже не в состоянии сделать ее всеобщей, т.е. нормативной. Таким образом, власть не способна подчинить себе политическое знание через универсальную норму. Сегодня постмодернизм выступает как следующий этап развития революционной теории. Если неомарксизм (Франкфуртская школа, французские структуралисты) еще был связан с критической теорией и политической борьбой, то постмодернизм рисует ситуацию ухода идеи революции в политическое бессознательное.

Эффективность современной революции уже не связана с насилием и «раскачкой холодных масс». Пост-Модерн понимает революцию прежде всего как противостояние тотализирующей целостности Модерна (в онтологическом плане ассоциируемом с капитализмом) через деконструкцию легитимирующих его онтологических оснований («метарассказов», в терминологии Лиотара). Постмодернизм сам по себе есть именно *ситуация и состояние конца идеологического*, но вовсе не некий новый концепт. Наоборот, это состояние отсутствия доминирования в политике нового эффективного концепта, универсального базового ядра ценностей, структурирующего новую систему ценностей, связанную с какими-либо значимыми трансцендентными и онтологическими объектами. Обретение такой опоры будет связано скорее всего с осмыслением трансформации парадигм политического как идеологического. Постмодернизм в кризисной ситуации просто симулирует, т.е. воскрешает давно исчерпанные, реализованные и «овеществленные» ценности Модерна, организуя для них нечто вроде «послежития». С позиций психологии, дискурс «постсовременности» характеризуется преобладанием расколотого (шизоидного) типа мышления, связанного с множественностью параллельных интерпретаций одних и тех же явлений. Причем эти интерпретации никак не ранжируются и не дифференцируются, так как отсутствует общий «идеологический» критерий оценки. Они просто сосуществуют, и это сосуществование, само переходо-промежуточное состояние сознания, мыслится для субъекта как естественное.

Состояние пост-Модерна связано с преодолением зависимости идей от наличного политического сущего, идейным развеществлением, своего рода де-реализацией политической мысли. Этот принцип ведет к тому, что идеи, знаки, символы порождают реальность, т.е. те или иные социальные, политические, экономические референции, становятся просто критериями идентичностей. Если брать в качестве примера постмодернистскую трансформацию власти, то сегодня важна не денотация власти, т.е. описание в исследовании содержательных характеристик объекта, а коннотация власти, ее знак, символ, образ, то, что определяет самого референта власти.

От «общества Прогресса» к «обществу без утопии»

Особенность ситуации мышления Запада связана с тем, что концепт потребительского общества смог объединить на неполитической основе группы и слои с различными системами ценностей и частично преодолеть постмодернистскую фрагментацию единого политического поля. Проблема заключается в крепости этого союза, обеспеченного благосостоянием, его идейной глубине (насколько сильно он затрагивает традиционные социальные границы, способен ли он их преодолеть) и универсальности (можно ли будет соблазнить им незападные цивилизации как великой целью).

Проблема заключается в том, что ускорение темпов роста как конечная цель не оправдывает превосходящих трудовых и экологических затрат на реализацию экономического роста – такова аксиома концепции «пределов роста». Кроме того, ускорение оборота денег не увеличивает общего богатства, но только само *количество* денег; увеличение количества событий и их интерпретаций не ведет к увеличению числа *значимых* событий; количество правильных решений не способствует их *реализации*. Когда обесценились и исчерпались цели процесса, смыслом наделяется его скорость. Так, целерациональная деятельность вырождается в спорт. «Идеологические дебаты между левыми и правыми на тему, как поделить пирог определенного размера, закончились. Внимание переместилось на то, как увеличить размер пирога»¹. При

¹ Кортен Д. Иллюзия роста // Вестник Уральского экологического союза. № 9(74). Екатеринбург, 2001. С. 1.

этом естественные пределы роста потребления (демократии) и сама необходимость его увеличения (расширения демократии) отошли в тень. Рост производства/потребления – трансцендентная идея потребительской экономики, ее сакральное оправдание универсальной ценностью и логикой Модерна – Прогрессом. Непокосимость этой идеи обуславливает всю структуру экономики потребления. Делегитимация данной идеи будет означать крах этой экономической структуры и ценностей политической системы, основанной на ней.

Но в этом и состоит ключевая проблема современной демократии, которая, имитируя раз за разом достижение давно достигнутых в действительности целей, сохраняет свой смысл и значимость ровно настолько, насколько ей удастся уклониться от вопроса «что делать дальше?». Это означает – скрывать ситуацию безраздельного господства демократических ценностей «здесь и сейчас», метафорами, заимствованными из капиталистических экономических теорий роста, подменяя свою реализованность интенсификацией. Профанизация демократии как следствие ее глобализации привела к тому, что из идеала она стала общепринятой в мире формой легитимации политической власти, связанной с опорой на концепт общественного договора, естественные права и волеизъявление гражданского общества. На теоретическом уровне это выражается в эволюции политической транзитологии от идеологического противопоставления тоталитаризма и демократии, Запада и Востока к концепции «качества демократии». При этом вдруг оказывается, что противопоставление чудесным образом снято, а дискредитированный было дискурс транзитологии спасен новой иерархией современных государств как «демократий первого, второго и третьего сорта». Возражение, что «демократии второго сорта» не бывает «по определению», остается без ответа. Таким образом, согласно этой теории, все современные капиталистические режимы попадают в разряд демократий «по умолчанию». Очевидно, что в условиях релятивизирующего политику и политическую теорию пост-Модерна демократическая система Запада ищет любые возможности, чтобы сделать шаг назад из статуса ставшей в статус становящейся, дабы уклониться от вопроса о своем историческом характере, настигающем любую реализованную политическую концепцию. В противном случае, заявление о своей полной реали-

зации является условным сигналом к утопической трансценденции легитимируемого демократией социально-исторического порядка. Чтобы избежать подобной ситуации, демократия вынуждена подтвердить свою жизнеспособность эффектом «последития», своего рода повторной ре-сакрализацией овеществленных ценностей, которая создается множеством манипулятивных приемов.

1. Констатация «неполноты» демократии как наличия еще не реализованных моментов (ценностей), подтверждающих стадию ее становления и утопичность.

2. Перевод любых идейных конфликтов и внесистемных вызовов во внутренний план панлогистской, универсальной демократической системы как патологий и отклонений.

3. Поиск «Другого» внутри и вовне как культурного референта, на котором демократия еще только должна реализоваться, своего рода «варварских объектов» на периферии глобализированной нормы западной демократии.

4. отождествление иноцивилизационных альтернатив Западу с анти-нормой самого Запада.

Поскольку основные ценности Модерна реализованы – свобода, прогресс, права индивида – отпадает необходимость в политических институтах, призванных в свое время эти ценности реализовать. Это отражается в кризисе и фундаментальных трансформациях таких «объективных» форм реализации ценностей и организации социальной активности, как экономика, политика, наука, семья и т.д. Постмодерн открывает их несамодостаточность в пост-Модерновом контексте. Трансформации, происходящие с этими институтами, в настоящее время не случайны, так как отражают потерю значимости и эффективности современных практик реализации ценностей в независимых от субъективности индивида формах. Общество вынуждено изменять язык своего самоописания, поскольку ценности Модерна стали атрибутом повседневности, автоматическими инстинктами, содержанием самого бессознательного. Реализованность этих ценностей, их «овеществление» порождает идейный вакуум, связанный с утратой утопического элемента достижения, ибо ценности Модерна даны как воздух, «естественны». И эта данность приводит к вызреванию Иного социального бытия, по принципу «свято место пусто не бывает», взрывающего статус-кво утопическими альтернативами изнутри и снаружи, в том

числе и за счет собственных средств Модерна, как это делает пост-Модерн в форме «симуляции реальности социальных институтов Модерна»¹.

Сегодня мало кто на Западе способен объективировать общую логику политической системы потребления, поскольку в этом случае попадают под вопрос либеральные ценности и демократия как универсальные концепты человечества. Находясь внутри этой системы, они опасаются затронуть общую парадигму системы, помыслить о том, например, так ли уж необходимы и безальтернативны демократия и общество потребления вообще. Альтернативы им на Западе нет даже на идейном уровне. Поэтому политическое действие протекает в форме перебора вариантов предустановленной самой системой: речь идет не о рынке, а о его вариантах, не о демократии, но о ее формах, не о концепции потребления, а о свободе выбора товаров, ассоциируемой со свободой вообще и т.п.

Логика власти, воплощенная в обществе потребления в логике желания, направлена на снятие сознательных альтернатив решения у подчиненного, т.е. на перевод механизма власти в «подсознание». Субъект «должен желать», только тогда им возможно манипулировать. Отсюда столь заметна бессознательная тяга людей общества потребления к различного рода перверсиям, доведению желания к запредельности, когда оно оборачивается антижеланием, теряет все заложенные в него системные смыслы, в том числе и властный. В любом случае наличие подобного усилия антивласти в человеке связано с формой аскезы как формой властной энергии, которая нейтрализует уловки желания. Часто желание маскируется под освобождение.

Необходимо отметить, что сам концепт «общество потребления» вовсе не предлагает очередной универсальный экономический код для описания состояния пост-Модерна. Его суть вовсе не в удовлетворении неких потребностей, но в обозначении идентичности потребляющего. Потребление кристаллизуется как основная пост-идеологическая модель самоидентификации и социализации. Если ранее политическая идентичность выводилась из места в структуре распределения экономического дохода, из статуса, то

¹ *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 39.

теперь из «стиля жизни». А именно: когда потребление переключается с удовлетворения потребностей на удовлетворение смыслов, с потребления товаров на потребление идей товаров, когда на смену месту в реальной структуре общества, легитимизируемому структурной идеологией, приходит миф, замешанный на системах символов, фиксирующих политическое пространство и модели его репрезентации. Само потребление как символическая система становится способом самоидентификации, самопредъявления своей идентичности в эпоху стирания социально-экономических и прочих референциальных знаков идентичностей с тела обывателя, в современную эпоху масс и элит. Экономические, национальные, языковые отличия отходят в тень. Человек потребляет свою политическую идентичность как то, что не предзадано другими референциями прежде. Политика превращается в символический конструктор идентичностей, а выбор осуществляется в присвоении символов выбранной идентичности, в означивании себя. Партии превратились в системы самопозиционирования избирателей, а выбор между партиями в выбор своей идентичности, основанной уже не на близости некоей группы по социально-экономическому положению, а на сходстве инкорпорированных символов и маркеров, устанавливающих эту самую общность. Отсюда феномен внеидеологичных (популистских) партий, партий – конструкторов политических идентичностей.

Свобода и освобождение

Проблема выхода на принципиальные вопросы, занятие «непозиции» (Ж. Деррида) в системе или внесистемной позиции, в настоящее время недостижимы из-за утраты энергии изменений в целом. Система не столько сопротивляется возможности своей трансформации, сколько лишает политических субъектов способности, своего рода «политического либидо», их производить. То есть конструировать и тем более переводить в план действия утопические идеалы, взрывающие политическое статус-кво демократии. Проблема состоит не в знании некой истины, которая нереализуема в рамках данной политической системы, но связана с практическим отношением политических субъектов к свободе. В описываемой системе выбор не связан с осуществлением политиче-

ской воли. Выбор вообще не является активным проявлением субъекта как такового, но лишь вялым рефлексом на внешние требования системы, отвечающим на стимулы в соответствии с извне сформулированными ценностными ориентирами и повесткой дня. Но свобода не может быть только теоретической конструкцией, иначе она превращается в свою симуляцию. Она всегда должна доказывать свое присутствие в политической практике, в ходе взаимодействия, коммуникации субъектов, в которой проявляется политическая воля как эквивалент энергии. При этом энергия политической деятельности всегда связана с тратой, с неравновесностью. Этим она отличается от безвольного функционирования процессов и машин в предзаданном алгоритме с известным результатом. Цель любой самотождественной политической системы состоит в отводе энергии, ее уничтожении в качестве исходного пункта неравного обмена с непредсказуемыми последствиями. Террористическая практика показывает, что привести в неравновесное состояние самотождественную систему можно только с помощью энергии катастрофы, которая способна не только побудить систему к изменениям в целом, но и вызвать цепную реакцию в конечном итоге гибельную для нее.

Свобода как практика питается энергией освобождения, но любое освобождение способно обернуться как добром, так и злом. Как замечает С. Жижек: «Действительная свобода» означает, что акт действительного изменения этого набора совершается только тогда, когда в ситуации вынужденного выбора человек действует так, как если бы выбор не был вынужденным, и «выбирает невозможное»¹. То есть подлинный выбор связан не с «выбором в очерченных координатах», а с «выбором самих координат», свободой выбирать между «выбором выбора или невыбора»². Проявлением свободы является в том числе и отказ от нее во имя других ценностей. Выбор субъекта, связанный с самоограничением, аскезой, не отменяет свободы субъекта, не ограничивает ее степень, но являет-

¹ Жижек С. Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? / Пер. с англ. А.Смирнова // Symptom. – On-line newspaper. № 1. [WWW-документ] / URL: <http://www.lacan.com/freedomf.htm> (2002. Октябрь).

² Половинкин С.М. Всё // Вопросы философии, 2000. № 4. С. 41.

ся реализацией его свободы. Постсоветская Россия в полной мере продемонстрировала торжество «негативной свободы» как самоцели, высшего блага, противопоставленного в качестве новой легитимирующей мифологемы всем прочим политическим ценностям. Причем результаты либеральных реформ дали хорошо прочувствовать, что политическая свобода является вторичным, синтетическим благом, которое может быть актуализировано лишь тогда, когда человек имеет доступ к действительно реальным благам (жилье, работа, доступ к образованию, доход).

В процессе освобождения исчезают прежние роли, идентичности, различия. Возникает новый круг проблем самоопределения после освобождения. Старые ценностные и аксиологические координаты уже не релевантны, новые еще не найдены. На свободу всегда указывает возможность борьбы за истину, но не обладание истиной. Тотальная ситуация мышления Запада делает невозможной отказ от предопределенного выбора, от его формализованных альтернатив, когда, например, не выбирается ничего, меняются сами условия выбора, вводятся новые альтернативы или же выбирается и то, и иное. Подобная замкнутая на себя система разрушается реальной свободой, функционирующей на практике как освобождение, как условие любых политических изменений, всегда указывающей на конфликты. Некое противоречие возможного и действительного. Французский рекламист пишет об этом: «Опросы общественного мнения определяют политику, тесты определяют стиль рекламы, анкетирование определяет выбор музыки для радио, результаты sneak previews [пробных просмотров] определяют развязку фильма, телеметрия определяет содержание программ ТВ... Однако тестомания и есть залог косности, отречения от свободы»¹. То есть предопределен даже «свободный» выбор, эта фундаментальная ценностно-практическая форма свободы в обществе потребления. И если речь все еще идет о свободе, то освобождение связано с радикальным отказом: потреблять/не потреблять. Речь идет прежде всего о феномене престижного потребления, в который втягивается почти все общество. Сами профессионалы мани-

¹ Бегбедер Ф. 99 франков. М., 2002. С. 41.

пуляцией свободой выбора откровенно предупреждают: «В моей профессии [реклама, PR] никто не желает вам счастья. Ведь счастливые люди – не потребляют»¹.

Освобождение предстает как потеря сущности и цели в пользу существования и движения. Освобождение как отказ от своей оригинальности, неповторимости, невоспроизводимости, любой специфики, в пользу универсальной, всеобщей обмениваемости. То есть отчуждение абсолютно: отчуждается, покупается, обменивается и опредмечивается абсолютно все: ценности, идеи, люди, бессознательное, история. Товаром может стать все. Прототипом этой формы служит экономический обмен в чистой форме, распространяемый на любые процессы. Освобождение ставит проблему новой идентичности. Но есть ли смысл выбирать что-то, когда можно «выбрать все сразу». Идентичность становится контекстуальной, ситуативной, т.е. фактически исчезает. Остается лишь чистая игра политических знаков, игра масок, игра в отличия. Но Освобождение всегда освобождает и проклятую сторону вещей. Пользуясь терминологией Юнга, проклятую сторону вещей можно соотнести с концептом «Тени», теми сторонами души, которые подвергаются вытеснению в бессознательное и оттуда в превращенной форме воздействуют на расколотую личность. Навязчивость освобождения, доведение его до логического «неестественного» предела указывает лишь на то, что освобождение является не целью, а функцией психологической гиперкомпенсации освобождающегося субъекта: того, кто освобождает и того, кого освобождают. Возможно, борьба за внешние свободы проистекает из внутреннего чувства несвободы, субъективно ощущаемого самоотчуждения, боязни и страха быть самим собой? Самим собой можно стать только приобретая полноту, «самость», приемля все стороны своей души, не отрекаясь от них.

С психологической точки зрения, общество потребления характеризуется отсутствием трансцендентных ценностей и целей. Это общество без будущего, без утопии. Потребителю просто скучно жить. Скука фактически тождественна смерти, «депрессивной десемiotизации», обесцвечиванию внешнего и внутреннего

¹ Бегбедер Ф. 99 франков ... С. 18.

мира. Потребление выступает субститутотом ощущения жизни, непрерывные развлечения необходимы, чтобы забыть депрессию. Бросается в глаза какая-то фундаментальная неустроенность, тоска, потерянности, нарушенное энергетическое равновесие микро- и макрокосмов, замыкание микрокосма человека в себе, его дез-энергизация. Чтобы удостовериться в том, что еще жив, человек ощущает потребность в постоянной энергетической подзарядке извне, стимуляции воли к жизни с помощью информации, потребления, развлечений, наркотиков, экстрима и т.п.

Структурным антагонистом освобождения является власть. Сама по себе власть не может быть монополизирована кем-либо. Подобное утверждение может относиться только к структурам и институтам власти. Власть всеобща и универсальна, поэтому властью не обладают, но принимают участие в ее осуществлении, обладая политической волей, направленной к определенной цели. Участие это может быть как сознательным, так и неосознанным. Любое политическое действие властно, различия здесь лишь в степени этой властности. Власть вручается политическому субъекту его собственной волей. Изначальный выбор в публичной политике связан либо с принятием своей политической субъектности и соответственно властности, либо с уклонением от нее. Универсальная тактика господствующего дискурса власти связана с устранением конкурентов от власти по их собственной воле и в их же собственном представлении. Суть современного рекламного метарегулирования политики состоит в том, что доверие проявляется к самим усилиям власти, а не формируется по мотивам реальных результатов действий власти. Иными словами, на первый план выходит интерпретация любого действия/бездействия власти как блага, а не ее реальная способность изменять означаемое, т.е. политическую реальность.

Но свобода и освобождение – не одно и то же. Освобождение легко превращается в закабаление через «спонтанность» желания, оборачиваясь лишь сменой форм контроля. Поэтому имеет смысл говорить только о радикальном освобождении, которое, уничтожая запреты, стандарты, стереотипы, уничтожает одновременно и желание, вырвавшееся как из их удовлетворения, так и нарушения. То есть вылечить общество можно только поставив его на грань жизни и смерти, через смертельную болезнь, которая как ничто провоци-

рует волю к жизни, отход от Нормы. Сильнее «нормального» желания может быть только эсхатология спасения, где желание становится запредельным всему нормальному, Норме как таковой. Общества, цивилизации, этносы часто погибают именно потому, что сталкиваются с недостаточно катастрофичными для себя проблемами, а настоящие катастрофы приходят тогда, когда здоровый иммунитет уже потерян. Ситуация – возникновение имплозии масс, угасания социальных энергий, неспособности желать, не иметь, но быть. Деграция позитивистской модели науки и мировоззрения в целом проявляется здесь через маниакальную аксиому следовать и принимать во внимание только то, что есть, т.е. мыслить только само сущее как наличие, но никогда не допускать утопической аксиомы «реальной политики»: «мыслить из того, что может быть, подчиняя ему наличное «есть».

Современная ситуация властвования показывает неэффективность политической практики прямого влияния на общество, т.е. ситуация носит постструктуральный характер, когда власть (принцип означающего) и массы (означаемое) полностью автономизированы друг от друга. Между ними не осталось даже произвольной подвижной связи, по которой могла бы протянуться связующая нить коммуникации: стимул-реакция. Молчаливая масса, как «черная дыра», проглатывает любые направленные на нее воздействия. Власть остается лишь симулировать себя и общество (в политологических концепциях гражданского общества) в культурно-идейном пространстве, т.е. как вопрос, так и ответ, как действие, так и реакцию на него. В то время как власть остается структурированной знаково-идеологически, массы как референты оформились уже в качестве постструктуральных, символических образований. Собственно, сама современная либеральная демократия в условиях массового общества представляет собой реальность конца идеологического Стиля как всеобщей политической нормы. Перестают действовать универсальные Ценности Модерна, наступает ситуация тотальной «всеядности» и одновременно тотальной же «неусваиваемости» антагонистических ценностей, целей, идей, в отсутствие универсальных критериев Нормы/Стиля Модерна. Победа толерантности, политкорректности, мультикультурализма, различных меньшинств над большинством, т.е. «единичного над Единым», является победой пост-Модерновой «миноритарной»

демократии над тотальностью Модерна, основанного на политической Норме¹.

С другой стороны, мультикультурализм, столь стройный в теории, легко перерождается на практике в этнонационализм и сепаратизм, свою проклятую сторону. Теория сосуществования рушится как только встает принципиальный вопрос о соотношении либеральной демократии и Другого. При этом главная иллюзия постмодернистов состоит в вере в мирное сосуществование различных систем ценностей путем отказа от универсальных критериев, которые скрепляют любой значимый диалог культур. Однако и постмодернизм не несет практического решения поставляемых им же дилемм и парадоксов, не порождает нового политического субъекта. Отсутствие политической Нормы приводит в реальной политике только к войне различий, борьбе всех против всех, партикуляризму и дроблению больших политических форм. Поэтому естественная гармония частных мнений и различий, их суммирование или снятие в логике Постмодерна оказывается невозможным.

Ограниченная имманентным структура власти, присваивающая универсальную истину, сформировалась с появлением концепций естественного договора, в которых речь идет только об обеспечении посюсторонних интересов граждан, вне каких-либо трансцендентных, сакральных целей и миссий, разве что аморфно-неопределенного «стремления к счастью». При этом происходит выравнивание статусов и идентичностей в обмен на стабильность политической системы. Однако выход за границы частных интересов индивидов уже создает условия для вызова узким рамкам «нормальной» политической системы и апологии существующего статус-кво.

ДРУГОЙ – «ахиллесова пята» постмодернизма

Актуальная ситуация политического мышления характеризуется интуитивным предчувствием грядущего политического проекта, на который указывает пост-Модерн, с его крайними формами скептицизма, нигилизма, декадентства, тотальной иронией и вто-

¹ *Парамонов Б.* Конец стиля, 1991. С. 1-7.

ричностью, которые характерны для «последних времен». Поэтому, указывая на кризис Модерна, пост-Модерн не будет содержанием нового политического проекта, новой политической эпистемы, так как сам по себе он содержательно пуст, и эта очищающая пустота освобождает место для чего-то нового, Другого. Ключевой теоретический концепт пост-Модерна – Другой, возможно так никогда и не обретет его в реальности. В целом проблема Другого является историческим преемником «идеального» онтологического означаемого, в роли которого уже выступали и дикари (Просвещение), и крестьяне (народничество), и пролетариат (марксизм), и население третьего мира (антиглобализм) и т.д. Несомненно, этическая компонента проблемы Другого имеет на Западе большое значение, придавая через чувство вины высокую интенсивность обдумывания данной проблеме. Однако реальная материализация Другого приводит к краху этого утопического представления, когда оказывается, что Другой – эмигрант, беженец, фундаменталист и пр., при ближайшем рассмотрении вовсе не столь идеален и безобиден, как это ему приписывается постмодернистами.

Проблема Другого, таким образом, неразрешима, его возможность признается лишь затем, чтобы потом объявить злом и осуществить самоидентификацию от противного. Любое изменение господствующей системы ценностей трактуется как зло, и главным злом объявляется смерть. Соответственно, выстраивается манихейское видение мира, где зло отрицается в пользу добра. Но на самом деле можно либо отрицать лишь сам принцип этого деления, как Ф. Ницше, либо учитывать их взаимное присутствие во всех вещах. С моральной точки зрения, зло отождествляемое с Другим, базируется на принципе символа, обнаруживая двойственность и относительность любых явлений. С другой стороны, отождествляются добро и разум на основе системы ценностей, связанной с определенным типом рациональности, толерантности, демократии и т.д.

Подобная стерильная доброта, отождествляемая с основными принципами политической системы Запада, буржуазная модель которой (Модерн) переживает сегодня медленный период разложения, оказывается бессильной на символическом уровне, когда получает внесистемный вызов. Запад не может противостоять терроризму по существу, т.е. на идейном уровне, не имея тех самых уни-

версальных общечеловеческих идей, которые могли бы стать эффективными вовне внутренней реальности системы. Демократия, права человека, свободный рынок являются содержательными понятиями только для внутреннего употребления. На другие цивилизации и культуры эти «магические заклинания» не действуют. Ключевая проблема в том, что развитая культура Запада, вступившая в эпоху цивилизации, уже не в силах понять Другого. Без понимания идейная борьба неэффективна. Но цивилизация не меняется, она способна только перерабатывать Другого для собственных нужд, переводить на доступный сложившейся системе язык, то есть, констатировать наличие Другого, потеряв способность приручить его, сделать «своим», тождественным себе. Таким образом, имея техническое и информационное превосходство, Запад оказался «нем» перед проклятиями, насылаемыми на него из совершенно иной ценностной системы координат.

Как замечает Ж. Бодрийяр¹, изживание зла (Другого) ведет к тому, что разрастается «проклятая сторона вещей», зло начинает гнездиться в самих вещах. Причем чем активней изживается зло в пользу добра, путем замалчивания, инкорпорации, исключения, интерпретации, тем все более опасные и неизлечимые формы начинает принимать зло, угрожая в конце концов разрушить снаружи, извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое) доминирующий в глобальном плане западный политический универсум. Критерием реальности угрозы служит то показательное обстоятельство, что открытие Другого то в одной, то в другой отрасли познания (психоанализ, лингвистика, культурология) оказывается столь неожиданным и болезненным для нормативного идеологического сознания, что оно уже не прикладывает естественных для культуры усилий, направленных на включение иного во внутренне содержание системы. Другое впервые предстает как абсолютно иное, не только не включаемое в систему, но даже не вступающее в коммуникацию с ней.

Сама по себе политическая система демократии – идеальная модель, связанная с полаганием определенных ценностей и целей. Их достижение происходит в ходе борьбы (диалога, торга) с Дру-

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С.157-164.

гим на ценностном и материальном уровнях. Исключение из демократического дискурса того, что противостоит ему (диктатура, тирания, план) приводит к неустойчивости самой демократической системы вследствие потери ориентиров, направляющих к идеальной цели. Поэтому Другой всегда включается в демократический порядок представлений в качестве контролируемого атрибута, необходимого для самоописания и целеполагания политической системы.

Особенность современной ситуации мышления состоит в том, что власть в целях своего воспроизводства и выживания просто симулирует Другого как «свое иное», причем оно стало обнаруживаться там, где его по сути не должно быть (да и реально не существует). Так, обычные хулиганы становятся скинхедами (неонацистами), патриоты – фашистами, экологи – террористами, сексменьшинства оборачиваются борцами за права человека, любые бытовые явления легко обретают символично-политический контекст. При этом «инаковость» Другого не является различием, к которому его пытаются редуцировать посредством универсальных в рамках демократической системы критериев истины, ценности, смысла. Происходит сведение инаковости к внутреннему порядку дифференциации, который определяет сами условия обмена. То есть дифференциация предполагает принятие правил «универсальной» системы, по которым происходит установление порядков отличий. Сопrotивление также включается в систему отсчета демократии на ее условиях, на правах отличного. Но внутри универсальной шкалы сопротивление принудительному договору может быть эффективным, только если оно бросает вызов системе в целом, вызов направленный на ее деструкцию. Здесь невозможен не только диалог и договор, но уже переговоры, неприемлем даже дар, как способ влияния.

На самом же деле бесконечная дифференциация является лишь способом удержания порядка универсального, в пределах которого она происходит и которое она утверждает. Дилемма в данном случае проста: с одной стороны, контроль над универсальными символами Другого, переводящий его во внутренний порядок дифференциации; с другой, признавая неподвластность символов Другого вне себя, общество освобождается и начинает производить символически зло внутри себя, т.е. у общества появляется способность к изменению и адаптации. Однако здесь же возникает

вопрос: возможно ли в принципе естественное сосуществование с Другим в рамках любой культуры, не связанное с попытками его уничтожить или включить в сферу своего влияния, переработать в собственных целях посредством универсального механизма дифференциации?

Из-за утраты универсальных культурных критериев происходит полная «индифферентизация» (т.е. то, что противоположно *différence* – различию) политики. Безразличие к отличиям. С другой стороны, важны стали именно отличия сами по себе, а не то к чему они относятся, выражают и на что они накладываются. Вещи становятся не просто вещами. Ценность их начинает попадать в зависимость от их символичности, определяться тем, что вещь выражает «кроме» и «помимо» себя самой. В это «кроме» и «помимо» и перетекает ценность вещей, определяемая игрой знаков по ту сторону референтов. Сущностное изменение сложившейся на Западе системы потребления невозможно изнутри этого «рая земного», поскольку она исчерпала свой внутренний потенциал возмущения. Реальный пересмотр фундаментальных ценностей Модерна может состояться только путем воздействия извне, как природного, субъективно рефлекслируемого в «экологическом, террористическом, фундаменталистском, антиглобалистском дискурсах», так и культурного, необходимым этапом которого стала деконструкция и реверсия классической дихотомии Модерна норма/не-норма.

Пока же политика находится в промежуточном состоянии, когда «великие идеологии» дискредитированы, продолжая действовать по инерции в качестве симуляций. Отсутствие противостояний идеологического характера лишает политический Модерн внутренних координат, целей и содержания. Поэтому симуляция ценностных и фактических противоречий, провоцирование политической активности производится самой властью с целью артикуляции политического пространства вообще. Однако отсутствие истинных альтернатив ведет к поверхностной нейтральности знаков политического пространства, бросающих вызов смыслу, содержанию и глубине.

*

* *

Согласно теоретической посылке автора «первый мир» – западная цивилизация полностью реализовала политический проект

Модерна. Но реализация одновременно явилась исчерпанием этого проекта. Более того, неолиберальная глобализация обнаружила историко-цивилизационную граничность «идеального тигра» Модерна, связанную с уникальностью «Запада». Актуальная трансформация программных партий и социальных групп показывает, что фундаментальные политические цели уже не могут заимствоваться в профанизированных «великих идеологиях». В условиях распада тотального модернистского проекта материал для политической утопии начинает черпаться в «проклятой стороне Модерна». Все вытесненное в свое время на периферию Модерна в угоду его тотальности берет реванш. «Проклятая сторона Модерна» выступает как постмодернистская теория. Однако будучи обратной стороной Модерна, пост-Модерн лишь переворачивает, но не снимает дуализма бинарных кодов, которыми оперировала модернистская политическая мысль. В итоге патология и норма просто меняются местами. Следовательно, пост-Модерн не может рассматриваться как реальная альтернатива Модерну, поскольку он не продуцирует собственной утопии (целей, ценностей, идеалов) и не порождает нового политического субъекта, не обладая способностью утверждать в политике универсальное и тотальное. «Либеральная демократия» будет деградировать, поскольку идеи демократии и либерализма были профанизированы путем отождествления с конкретными историческими институтами и практиками, существующими в странах Запада. Но ничто в итоге так не препятствует профанизации, дискредитации и косности политических идеалов, как их отождествление с определенной исторической реальностью. Пока еще никто из смертных не жил в «реальной утопии», по крайней мере на этом свете. Да, утопия лежит в основании «большой политики» (термин Б.Г. Капустина), как естественное право в фундаменте права позитивного, но утопия «здесь и сейчас» может быть лишь политическим мифом.